

Глава 71

Толпу начали рассеивать, и, проходя мимо той самой комнаты, Цзян Лоло не удержался и заглянул внутрь.

Его прекрасное лицо в мгновение ока побледнело, а влажные глаза испуганно расширились.

На этот раз Хо Цзэдун не стал закрывать ему обзор.

Он всё увидел.

Линь Чжи, растрёпанный и с пустым взглядом, лежал в объятиях своей матери. Одежда скрывало его тело, но на шее отчётливо виднелись следы от укусов и синяки от пальцев. Он всё ещё подрагивал. А виновник всего, Е Хао, стоял рядом с расстёгнутым ремнём и тяжело дышал, его одежда была в относительном порядке. В воздухе витал слабый запах крови.

Как страшно.

Цзян Лоло, словно ударенный током, резко отпрянул и ещё плотнее прижался к Хо Цзэдуну, охваченный запоздалым ужасом, точно птенец, ищущий убежища.

Хо Цзэдун заключил его в объятия. Медленно, он прикрыл глаза Цзян Лоло ладонью.

— Не бойся.

Однако на его точёном лице мелькнула насмешливая улыбка, когда он бросил короткий взгляд на сцену в комнате. словно боясь испачкать глаза, он тут же отвернулся.

Маленький омега в его руках всё сжимался, и его испуганный голос звал:

— Муж...

Хо Цзэдун отозвался.

Омега поднял голову, и в его блестящих от слёз глазах отразился страх:

— Если бы ты тогда не появился, на его месте был бы я?

«Конечно, это не могло случиться с моим сокровищем».

Он давно приставил людей следить за Линь Чжи и Е Хао.

Хо Цзэдун не ответил прямо, лишь погладил его по затылку, словно маленького котёнка.

— Мой милый боится?

Омега быстро кивнул, и его глаза затуманились.

— Боюсь...

Он ведь даже не подозревал, что это ловушка. Если бы он действительно пришёл, а противник намеренно расставил сети, как бы он смог выбраться? Тогда на месте Линь Чжи оказался бы он сам.

Перед глазами Цзян Лоло возникли картины: надменное лицо матери Линь Чжи, толпа зевак за дверью, и сам Линь Чжи, подвергшийся насилию. Глаза мальчика покраснели.

«Если бы это был я...»

Тётушка Хо и так его не любила, а после такого позора, даже если бы она не вмешивалась, ему самому было бы стыдно оставаться рядом с Хо Цзэдуном... У него больше никогда не было бы шанса быть с ним.

И тогда Хо Цзэдун... постепенно стал бы мужем кого-то другого...

И больше никогда не баловал бы его, не был бы рядом...

При виде ужаса на лице маленького омеги, сердце Хо Цзэдуна тяжело сжалось. Подавляя желание прикоснуться к его покрасневшим от слёз щекам, он тихо спросил:

— Разве муж не говорил тебе не вмешиваться в чужие дела?

Омега обиженно кивнул.

— Ты так заботился о Линь Чжи раньше, потому что считал его хорошим человеком и своим другом?

Омега, не раздумывая, снова кивнул.

— А он считал тебя другом? — Хо Цзэдун взял его за худенькие плечи. — Взять хотя бы этот

вечер. Он намеренно пытался заманить тебя, пока меня не было, и подсыпал Е Хао наркотики. Ты понимаешь, что случилось бы, войди ты в ту комнату?

Хоть в его голосе и не было упрёка, Цзян Лоло вдруг захотелось плакать. Губы его скривились, и крупные слёзы покатались по щекам.

Всхлипывая, омега кивнул.

— Знаю...

Хо Цзэдун наклонился, и его высокая фигура накрыла мальчика тенью. Голос мужчины звучал очень тихо, словно он боялся напугать его, и вкрадчиво убеждал:

— И что, тебе и дальше нужны такие... сомнительные друзья?

Маленький омега больше не смог сдерживаться и уткнулся ему в грудь. Его обиженный голос, срывающийся на плач, донёсся из объятий:

— У-у-у... не нужны... больше никогда...

— Малыш будет слушаться мужа...

— У-у-у... малыш понял свою ошибку...

— Больше никаких друзей...

— Малышу нужен только муж...

Хо Цзэдун опустил глаза. Его широкая ладонь поглаживала хрупкую спину, а на губах играла лёгкая улыбка. Он поцеловал дрожащую макушку.

— Хороший мальчик, — с довольным удовлетворением в голосе произнёс он.

Банкет быстро подошёл к концу. Мелодичная музыка оборвалась, и гости хлынули к выходу из зала.

Из-за близких отношений между семьями мать и отец Хо не уехали, а остались на вилле.

Отец Линь словно постарел на двадцать лет. Он обхватил голову руками, и в его голосе звучало одно лишь раскаяние:

— Я должен был догадаться... нашего Сяо И уже не было видно... Я не должен был позволять им открывать дверь... Неважно, чей это был омега, никто не должен был видеть его в таком состоянии... Это моя вина, я не справился. Но почему за это должен расплачиваться мой ребёнок?!

Мать Линь, крепко обнимавшая сына, с ненавистью посмотрела на него.

— Какой теперь толк от этих слов! — её злобный взгляд впился в небрежно одетого альфу, словно она хотела разорвать его на части. — Ты кто такой? Я никогда тебя не видела! Кто тебя впустил?

Е Хао вытер кровь с уголка губ, оставшуюся после удара отца Линь.

— Дядя, тётя, я парень Сяо И. Мы давно любим друг друга. Сегодня Сяо И привёл меня, чтобы познакомиться с вами.

— Невозможно! Ты лжёшь! — пронзительно закричала мать Линь.

Никто не знает сына лучше матери. Ещё несколько дней назад Сяо И говорил, что хочет жениться на Хо Цзэдуне, так откуда мог взяться этот нищий ухажёр?

Отец Линь тоже мрачно посмотрел на Е Хао.

Е Хао взглянул на укрытого одеялом Линь Чжии, и в его глазах блеснул непонятный огонёк.

— Сяо И, дядя и тётя не верят мне. Скажи им сам, — в его тоне звучала скрытая угроза.

Тело Линь Чжии напряглось. В его сознании эхом отдавались слова, сказанные Е Хао перед тем, как выломали дверь.

«Линь Чжии, не думай, что я не знаю, о чём ты думаешь».

«Посмеешь отправить меня в тюрьму, и видео с нами окажется в сети».

«Ты хочешь моей смерти — я уничтожу твою репутацию. Никому из нас не будет хорошо!»

Линь Чжии крепко зажмурился, подавляя ненависть.

— Папа, мама, старший Е — мой парень, он очень хороший человек, мы действительно любим друг друга...

Сейчас он мог сказать только это.

«Нужно сначала успокоить Е Хао, а потом, когда я заполучу записи с камер наблюдения, отомстить за сегодняшний позор...»

«Я ещё не проиграл!»

«У меня ещё есть шанс!»

В дверь постучали. Горничная, дрожа, протянула отцу Линь лист бумаги.

— Господин...

Стоявший рядом отец Хо бросил взгляд на жирные чёрные буквы и резко изменился в лице.

Вернувшись домой, Цзян Лоло удалил все контакты Линь Чжи и выбросил все его подарки.

Он, словно напуганный кролик, с покрасневшими глазами забился в объятия Хо Цзэдуна. Словно после страшного обмана он потерял веру во весь мир.

Он с опаской смотрел на прислугу в доме, крепко цепляясь за одежду Хо Цзэдуна и доверчиво прижимаясь к нему. Когда нужно было идти в душ, он держал его за руку, а ложась спать, был невероятно послушен.

Что бы Хо Цзэдун с ним ни делал, он лишь покорно обвивал его шею.

Послушно закрывал глаза, запрокидывал голову и ждал поцелуя.

А потом, когда цель была достигнута, зарывался лицом в его грудь и тихо шептал:

— Муж...

Этот мир был слишком ужасен.

Он больше никому не хотел верить, кроме своего мужа.

Напуганный на банкете маленький омега стал необычайно послушным, хрупким, словно крольчонок, попавший в ловушку и отданный на растерзание.

Феромоны в спальне становились всё гуще.

Маленький омега вдруг оттолкнул руку Хо Цзэдуна и, прижав ладонь к животу, со слезами на глазах посмотрел на него. Казалось, он хотел что-то сказать, но боялся его расстроить.

— Что случилось, сокровище?

— Животик болит... — обиженно прошептал омега.

Он взял руку Хо Цзэдуна, прижал к своему животу и, боясь, что тот не поверит, добавил:

— Правда болит...

Раньше он был капризным и часто, пользуясь любовью Хо Цзэдуна, притворялся, что у него болит живот, когда уставал. Но в последнее время живот и вправду начал болеть.

Маленький омега поджал губы с обиженным видом.

«Вот оно, наказание. Ложь стала правдой...»

Хо Цзэдун ущипнул его за щёчку, поднялся и взял на руки.

— Хорошо, пойдём купать наше сокровище.

В последнее время маленький омега постоянно чувствовал усталость. Приняв душ лишь наполовину, он не выдержал, сонно закрыл глаза и задремал.

Хо Цзэдун вынес его, вытер насухо и уложил в кровать. Только он собрался уйти, как две мягкие руки обвили его талию.

— Муж... — прозвучал нежный шёпот.

В голосе слышался страх быть покинутым и безграничная зависимость.

Хо Цзэдун ответил и долго обнимал его, пока маленький омега не погрузился в глубокий сон. Лишь тогда он снова встал и вышел.

Когда он вернулся, не включая свет, то увидел, как на широкой кровати, закутавшись в одеяло, сидит маленькая фигурка, похожая на снеговика.

Суровое выражение не успело сойти с лица Хо Цзэдуна, когда он быстрым шагом подошёл к кровати.

— Почему проснулся?

Маленький снеговик протянул две тонкие ручки, обнял его за шею, и в его тихом голосе слышались слёзы:

— Муж... почему ты ушёл?.. Ты, наверное, решил, что я непослушный... и больше меня не хочешь...

Человечек в его объятиях дрожал, такой капризный и хрупкий. Словно котёнок, которого пугали тысячи раз, и теперь он дрожит от малейшего дуновения ветра.

— Я буду очень послушным...

Тихий плач доносился из изгиба его шеи. Маленький омега пошевелился, отодвигая волосы и обнажая железу. Словно беззащитное животное, добровольно подставляющее брюхо под когти хищника.

— Муж... Муж... — сквозь слёзы умолял он. — Укуси меня... Поставь мне метку...

Лёгкий аромат фрезии щекотал ноздри Хо Цзэдуна.

Может, это было лишь его воображение, но Хо Цзэдуну казалось, что в последнее время запах феромонов его сокровища стал гуще и слаще. Словно в нём, незаметно для него, произошли какие-то перемены.

Но плачущий человечек в его объятиях не давал времени на размышления. Он подставлял свой затылок к его губам и капризно звал:

— Муж...